

ТИФЛИССКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходящъ по Средамъ и Суб-
ботамъ. Въ годовомъ изданіи
104 №; въ полугодовомъ 52.

1831-го ГОДА.

Годовая цѣна за Кавказомъ
7 р., полугодовая 4 р. сер;
по Россіи 35 р. и 25 ас.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

РАЗСКАЗЪ ОФИЦЕРА БЫВШАГО ВЪ ПЛѢНУ У ГОРЦЕВЪ.

Сначала говорить издатель этого разсказа:

Мы жалуемся, что нѣтъ у насъ порядоч-
ныхъ свѣдѣній о народахъ Кавказа . . . да кто
же въ томъ виноватъ, если не мы сами? Трид-
цать лѣтъ владѣемъ всѣми выходами изъ ущелій;
тридцать лѣтъ ополсываемъ угорія смаль-
ною цѣпью штыковъ, и до сихъ поръ офицеры
наши вмѣсто полезныхъ план, по крайней мѣрѣ
занимательныхъ извѣстій, вывозили съ Кавказа
однѣ шашки, поговицы да поляски подъ чернью.
Самые испытательные выучивались плясать
Лезгипку—но далѣе этого—ни зерна. Въ Россіи я
встрѣтился съ однимъ заслуженнымъ штабъ-
офицеромъ, который на всѣ мои разспросы о
Грузіи, въ которой шѣрся онъ лѣтъ 12-ть,
умѣлъ только отвѣчать, что тамъ очень дешево
фазаны.— Признайся за такими познаніями
не стоило ѣздить далеко. Да и здѣсь, теперь,
слушая хладнокровные толки товарищей, по-
думаешь что въ этой странѣ вовсе нѣчего уз-
навать; что о дѣйствіяхъ Русскихъ не стоить
помнить; и между тѣмъ никакой край міра не
можетъ быть столь новъ для Философа, для
Историка, для Романиста.— Когда Европейцы
съ такимъ посподисствомъ рвутся въ истоку

Нила, какъ не желать намъ, вратарямъ Кавка-
за, взглянуть въ эту колыбель человечества,
въ эту чашу, изъ коей пролилась красота на
всѣ племена Европы и Азіи, въ эпоху ледникъ,
въ которомъ сохранилась разбойническая эпоха
древняго міра во всей ея свѣжести? Не говорю
даже какъ философъ—но просто какъ Русской,
какъ солдатъ: познаніе Кавказа тѣсно связано
съ выгодами нашего отечества—извѣстность
подвиговъ его покорителей воскреситъ ихъ
славу, погребенную доселѣ въ ущеліяхъ обрыз-
ганныхъ кровью ихъ, и ободритъ насъ къ
спяланію новой. Неблагодарно бросать на съ-
деніе ржавчины забвенія имена павшихъ ге-
роевъ; осудительно не радѣть о пользѣ живыхъ.
Посмотримъ что мы сдѣлали для шого и дру-
гаго.

Краснѣясь должны мы сознаться, что свѣ-
дѣнія о Россіи текутъ къ намъ сквозь иностран-
ное рѣшено. Кавказъ имѣлъ уже участь. Не
вспоминаю старинныхъ писателей какъ Шар-
денъ, Лавале; Тавернье, Барбаро, Мандевиль,
Струйсъ—они всѣ были иностранцы. Русскіе
не могли тогда писать о Кавказѣ, по весьма
уважительной причинѣ—они не умѣли писать;
но съ тѣхъ поръ какъ Русскіе пушки были
тамъ, гдѣ сперва лежали одни Кавказскіе орлы,
дорога для насъ нисколько не уже чѣмъ для
иностранцевъ, а всё таки мы осуждены читать
сказки какого нибудь Рейнекса, родословную ка-

испольку важную фигуру горца, подкладывающего под копилку дрова . . . усталость одолела меня, я за выверным куском баранины, я уже спал как сурокъ.

Но утро мое пробужденіе было ужасно . . . Мысль что я невольникъ и можешь спать спокойно, какъ осиріе проникла сердце прежде чѣмъ свѣтъ коснулся глазамъ. Осматриваюсь: надомной заключенный потолокъ, подо мной войлокъ брошенный на землю; кругомъ голыя, грубо избулыжника сложенные сѣны, россыпанные по сѣмъ дождевыми струями и по сѣмъ украшеннымъ обоями, изъ паутины . . . въ углу семья хозяина—вотъ что представилось моему взору. Скоро шумъ и стукъ по дереву, лучше нежели призывъ Муллы, пробудилъ моихъ хозяевъ. Еще не успѣли они поснавши на мѣсто кушины омовенія, какъ сабля осаждена была любовными и родными. Въ горахъ увидишь Русскаго, взяшаго съ собою, такая же рѣдкость какъ въ Петербургѣ слонъ шандующій минуешь. Закуривъ свои деревянные шрубочки и значительно почесывая подъ шапками, горцы принялись меня экзаменовать, что я знаю? Я уже разувля нежного по-Татарски, и знаками да кривляньями чрезъ плечъ въ десляное слово, они перебрали по пальцамъ все ремесла—но вѣрней совыпу земляка я отвѣчалъ на все *нѣтъ* и *нѣтъ*. Скажись мнѣ мастеромъ—они пожалуй замучатъ работою и стануть стеречь впрое крѣпче. При томъ же какъ прилично Офицеру я въ самомъ дѣлѣ зналъ только металлъ банкъ, да дѣлать вышупковъ и кораблики изъ бумаги . . . но какъ Горцы благодаря Бога не наказаны эпою восьмою Египетскою кзнію, по художесивомъ своимъ не разсудилъ я за благо похвалиться. Этимъ не кончилось. Перестали спрашивать мужчины о полезномъ, прислали женщины съ распросами о приятномъ: не играю ли я на зурѣ (балаалай-

къ съ металлическими струнами), не пляшу ли я по веревкѣ, по крайней мѣрѣ не умѣю ли ходить на головѣ или кашаться колесомъ? Чуждымъ, къ которымъ приглядѣлся онъ въ искудкахъ (спиритъ) живущихъ арменцахъ изъ бѣглыхъ солдатъ. Къ большому неудовольствію почтенной публики рѣзкой *юхъ, валла билла юхъ* (нѣтъ, ей Богу нѣтъ) разрушилъ все ихъ ожиданія. Все разошлось по домамъ пожимая плечами и хозяинъ мой рѣшилъ, что я пригоденъ только бытъ проданъ въ Мамелюки. Въ самомъ дѣлѣ въ полночь же вечеръ онъ сбывъ меня съ рукъ за десять барановъ.

Меня продали—ничего нѣтъ справедливѣ. Да и почему не продасишь свою добычу человекъ отъаживавшій собственную за нее жизнь, когда продающіе людей другіе люди, добывшіе ихъ безъ всякаго риска и сбывающіе изъ одного барыша? Самолюбіе мое спрдало только что меня продали такъ дешево . . . но я утѣшился, подумавъ, что и въ свѣтъ цѣнить не дороже людей, неумѣющихъ плясать или ходить головою внизъ . . . при томъ же и бараны были съ чрезвычайно жирными хвостами! Четвероногихъ потянули за рога къ добывшему меня назднику, а меня двуногого привязали на веревку, и при сременѣ своего новаго влестелина совершилъ я торжественное вшествіе въ селеніе Уисукюль, стоящее на границѣ Аваріи къ Сѣверу, надъ крутымъ обрывомъ.

Плакать, рыдать, стучать—было бы напрасно: я скрѣпилъ сердце и съ цвѣтами припался за скребницу, потому что господинъ мой пожаловалъ меня въ конюхи. Съ волками вой по волчьи и д какъ можно скорѣе старался натереть ихъ языку, записывая слова на сѣмъ копцемъ ножа. Труба очага была моимъ карманнымъ словаремъ. Хозяинъ былъ богачъ между своими, т. е. онъ имѣлъ двухъ женъ да тысячу пасты-

ры рогатаго скота, и опъ того весьма уважа-
 емъ въ окологдѣ. Съ утра до вечера низались къ
 нему и опъ него гости, т. е. бѣдники охотники
 поѣсть . . . и всякаго встрѣчалъ привѣтъ
 у порога за словомъ, „сидись“ слѣдовалъ вопросъ:
 „ѣмъ ты голоденъ?“ Это ихъ выраженіе.
 Кто говорилъ хлѣбомъ тому даваи чурка, кто
 просилъ мяса тому баранины; людямъ попчеш-
 нѣе подписали и бузы. Угощеніе это было слѣд-
 ствіемъ избытка стада, котораго некуда сбыва-
 вать. Впрочемъ хозяинъ мой былъ не только
 разбойникъ для славы, но опчасти и купецъ
 для выгоды . . . т. е. онъ вѣсилъ ягнятъ и
 шкуры у сосѣдовъ и сосѣдиныхъ народовъ на ко-
 зры, на кошмы, на оружія, и при случаѣ выру-
 чалъ за это серебряные рубли, которые разу-
 мѣется пряталъ въ землю. По сердцу онъ былъ
 добрый малой и жолъ всегдашняя веселость,
 услужливость, расторопность очень ему понрави-
 лась. Понравилась и сосѣдамъ моя ловкость въ
 стрѣльбѣ, въ бѣгахъ; мнѣ не давали только
 екакать верхомъ, помня одного Русскаго удал-
 ца, который умчался у нихъ изъ глазъ на бѣже-
 ной лошади; взявшись укротить её. Высоко жи-
 вуть горцы, но и до нихъ доползаетъ лесть. Я
 взялся за эту струну и нечего грѣха таить
 увѣрялъ—что про нихъ идетъ слава у насъ на Руси
 пуще Божьяго милосердія, что я радѣхонекъ по-
 давшись въ эту прекрасную землю и что ме-
 ни теперь калачомъ не выманить во фронтъ.
 Доспадалось опъ мени и Русскимъ за дѣло и
 за бездѣлье—и мало по малу я вошелъ у всей де-
 ревни въ большую довѣренность. Слушалъ не зѣ-
 вая, хотя не внималъ, Мулла, который обращалъ
 меня въ Мизгометашество; разширялъ глаза, когда
 спарики толковали чепуху, и хохоталъ во все
 горло когда видѣлъ что какой нибудь почешникъ
 хотѣлъ смѣшнить . . . однимъ словомъ неволя мена
 выучила бытъ вриядворнымъ . . . Днялюсь, приз-

нашся, какъ выдерживаютъ подбную ролъ съ
 доброй охоты?—У мена еще была въ виду пре-
 красная дѣль—это родина и освобожденіе
 мовольныхъ лстедовъ совершенне проявилось.
 вѣдно роботать спиной легче, нежели плечами.
 Горцы не знаютъ поклоновъ и шапку снимаютъ
 только въ жаркой день, передъ мечетью, приго-
 шовляясь къ молитвѣ извѣніемъ насѣкомыхъ.
 Можете вообразить что у людей, которые не
 знаютъ бани, и носятъ бѣлье до пла не перемѣ-
 няя, всѣ швы унизаны живымъ бисеромъ. Впро-
 чемъ кто хоть разъ видѣлъ Тифлисскаго кроваки
 вечеромъ, или Ташарскіе города и деревни въ
 полдень, тому нечего рассказывать объ этой
 невинной ловлѣ, соспавляющей любимое занятіе
 Азіатцевъ обоого пола. Но Ташаринъ не любитъ
 спрашивать денегъ на пустыки (какъ говорятъ
 опъ) и потому не мѣняетъ рубашки; напротивъ
 Горецъ скупаетъ за безцѣстіе ихъ въ ихъ бо-
 лѣ одной, и если богатырь найдетъ запасную
 у своего пріятели, опъ долженъ изрубить ее
 какъ знакъ женоподобности. Эпъ грязная черша
 я увѣренъ опниметъ много занимательности у
 моихъ героевъ—но не шаговъ ли шочно весь
 Воспѣкъ, расписанный только въ книга хъ цвѣт-
 ными арабесками и опрысканный лишь въ вообра-
 женіи розовою водою!—Женщины едвали чпспо-
 плошнѣ мушницъ: ходятъ большею частію босыя
 и руки ихъ опъ безпрестанной работы въ домѣ
 и въ полѣ такъ чорствы, что конечно не малятъ
 къ себѣ поцѣлуя. Многія изъ нихъ со всѣмъ тѣмъ
 прекрасны и нѣкоторыя не безчувственны.
 Любовь ведется чаще между холостыми,
 потому что мужъ заплаши колымъ можетъ за-
 вѣтрениость укоротить жей шею. Любовный
 языкъ у нихъ очень фигуренъ: не жалуютъ ни
 звѣздъ, ни цвѣшовъ, ни огня въ сердцѣ. . . рай и адъ
 на языкъ—и для счастливецъ есть темныя
 ночи и на Кавказѣ. Если связь идетъ скромно
 и кончится безъ слѣдовъ—кто старое дома-

УДМ 353 311
Человек всегда
3118-1110133

нешь тому глаз вопль. Но если девушка при-
нялась за таблицу умножения на дѣлѣ, то мно-
жишель долженъ на ней жениться хотя и не хотя.
Бѣда однакожь если докажешь, что у нее былъ
не одинъ постьшитель! Несчастную отводящъ
посреди деревни и побивающъ камнями. Здѣсь
какъ и вездѣ наказываютъ не порока, а только
неумѣнье скрыть его. Дѣвушки обходящя
очень вольно съ мушкетерами, но вмѣшиватся въ
разговоры съ гостями неприличнымъ считаеш-
ся и женщина. Тѣ и другія не пошлѣ чадеръ
(покрываль) . . . Жена у Койсубулинда есть не
что иное какъ Египетская пещка для высижи-
ванія дѣтей и рабочая скотина для домашняго
обихода. Заплативъ условную плату мужъ мо-
жетъ опослать жену когда вздумаетъ, какъ у
всѣхъ вообще Мусульманъ; но разводы рѣдки. У
нихъ для путешественниковъ есть бракъ на
время за небольшую сумму—и это не считаешся
предосудительнымъ.

Вообще мы Еропейцы всегда съ ложной
почки смотримъ на племена полудикія. То мы
ихъ обвиняемъ въ жестокости, въ вѣроломствѣ,
въ хищеніяхъ, въ невѣжествѣ, Богъ вѣсть въ
чемъ! То кидаешъ въ другую крайность восхи-
щаемся ихъ простотою, гостепріимствомъ—и не
перечтешъ какими добродѣтелями. То и другое
напрасно. Какъ люди, и горцы носятъ въ себѣ
циркулярныя недостатки и добрыя качества
своисственныя человѣчеству. Не судить ихъ
по себѣ, потому что и мы люди—великая ошибка.
Мы давно отжили Партриархальный вѣкъ, и
вѣкъ кочеванія, и вѣкъ разбоевъ . . . мы обо-
гащались опытносцію цѣлаго человѣчества болѣе
или менѣе; напротивъ они гнѣздясь въ горахъ не-
доступныхъ ошались неподвижными на эпохѣ раз-
бойничества, указанного имъ сначала необходимо-
сцію, пошомъ привычкою:—можетъ быть тѣмъ и
другимъ доселѣ. Одинаковыя причины произвели

одинаковыя слѣдствія.—
предпочитаешъ свою силу правамъ другихъ . . . у
народовъ первобытныхъ нѣтъ иной силы кромѣ
вещественной; въ послѣдствіи сила ума покоряешъ
ее своей волѣ: но та и другая стремятся къ зло-
употребленію силы ш. е. къ насилию. Крѣпость
шѣла, совершенство оружія и наконецъ мѣспныя
выгоды—рѣшали всегда кому быть нападающимъ,
кому обиженнымъ—и горы, эти природныя крѣ-
пости, доставляя мало хлѣба на камняхъ, но за то
много средствъ прятать добычу и укрыватся
отъ преслѣдованій, всегда и вездѣ были гнѣз-
домъ племенъ разбойничьихъ, такъ какъ степи—
жилищемъ народовъ пастырей, побережья моря—
купцевъ, прирѣчья—хлѣбопашцевъ и рыболововъ.
Кавказскіе Горцы по природѣ вещей вошли въ
эту же категорію. Хищничество есть единствен-
ная ихъ промышленность, единственное сред-
ство одѣться и вооружиться. Скалы родныя
даютъ ему скудную пищу, стада грубую одежду;
но ему хочется имѣть винтовку съ наствѣкою,
кафтанъ съ галуномъ; хочется купить прекрас-
ную жену и пить густую бузу или вино—и
какъ вы хотите, чтобы человекъ храбрый отъ
привычки, потому что онъ осужденъ отъ колы-
бели выбивать свое существованіе у грозной
природы, чтобы человекъ сильный, и къ это-
му всему нищій, не хотѣлъ присвоить себѣ
всѣ, что ему по силамъ? На грабежъ идетъ онъ
какъ на охоту, и добыча, взятая изъ зубовъ
опасности, для него и плата за трудъ, и слава
за подвигъ, и приманка на будущіе набѣги. Онъ,
какъ хищная шница, въ цѣлой природѣ не ви-
дитъ ничего кромѣ добычи и врага, и убѣждаетъ
его, что разбой невыгоденъ, безчестенъ, всѣ
равно, что совѣтовать волку кушать салатъ съ
прованскимъ масломъ. Будьте увѣрены, что поку-
да просвѣщеніе не откроешъ новыхъ средствъ
къ довольству, и торговля не разольешъ его по

ровну во всѣхъ ущельяхъ Кавказа, Горцевъ не отлучать отъ разбоевъ даже прехграничными доказательствами.

Набивши свою голову школьными видами правлений, мы мечтаемъ видѣть въ Кабардѣ и Чечнѣ Республику; производимъ Черкесскаго Князька въ феодальнаго Властиителя (Seigneur Suzerain) и воображаемъ, что Узденъ рыцарскій Баронъ въ отношеніи къ нему. На поутрку выходимъ, что всё это вздоръ. Горцы Кавказскіе, которыхъ мы привыкли собирать подъ одно имя нами созданное, не бывали народами: это деревни, шайки, потерявшія даже свои родоначалія и племена. Койсубулинцы поже самое что и прочіе. Въ каждомъ селеніи свое нарѣчіе, свои повѣрья. Видимо по чертамъ лица и множеству бѣлокурыхъ, что они Лезгинскаго происхожденія, но уже смѣшаннаго съ Татарами и Ногайскими племенами. Языкъ Лезгинскій овладѣлъ всею восточною половиною Кавказа, но принявъ различныя слова покоренныхъ туземцевъ и пришлецовъ, онъ разбился на тысячи идиомовъ.— Мы называемъ ихъ Койсубулинцами по рѣкѣ Кой-су, (говорятъ Русскіе будто это значить овечья вода, но баранъ *коюнъ* а не *кбай*)—спросите же вы жителей долины, по какой прошекаетъ Кой-су: какого онъ народа, онъ скажетъ: „я изъ Гумровъ, изъ Уисукюля, изъ Байна“ и, сколько могъ я разузнать, общее имя ихъ Казируртъ, отъ Казія, будто бы ихъ древняго предводителя или родоначальника; но вѣрить этому все равно, что вѣрить будто бы Славяне происходятъ отъ правнука Ноева Словена или отъ Славы, правнучки меча. Правленія между ими не существуетъ никакого, по необходимому спешенію обособительствъ. Разсѣянные по группамъ, между которыми сообщенія чрезвычайно трудны, а зимой и во все невозможны, у нихъ нѣтъ средствъ къ общему союзу, а поне-

доступности селеній не имѣютъ они надобности въ частномъ начальникѣ, или старшинѣ. Даже въ набѣгѣ многочисленной шайкою, извѣстные набѣдники въ общемъ совѣтѣ рѣшаютъ главный планъ нападенія— всё остальное дѣло случая. Въ битвѣ—каждый несетъ куда влечетъ его отвага, и покидаетъ поле усталый или довольный добычею. Нѣтъ ни приказа ни повиновенія, и лишь это неустройство было причиною всегдашней надъ ними поверхности Русскихъ. Въ небольшіе набѣги отправляются на коняхъ, которые у нихъ не росли, но чрезвычайно крѣпки, быстры и неутомимы . . въ большихъ толпахъ дѣйствуютъ пѣшкомъ . . стрѣляютъ мѣткою, но медленно, ибо за каждымъ разомъ спираютъ винтовку; мастера пользовались каждымъ кустомъ, каждымъ камнемъ. Всѣ ихъ огромныя скопища—дымъ передъ башагономъ Русскихъ, подкрѣпленныхъ нѣсколькими пушками . . . но только на чистомъ полѣ и въ нашихъ границахъ; въ стремнинахъ долины Койсу будетъ иное дѣло и покореніе ихъ силою купится не иначе какъ цѣной крови. Никогда не должно страшиться впаденія ихъ въ наши владѣнія, ибо они не охотно покидаютъ горы и не могутъ имѣть продовольствія при сборищахъ. Кажется одинъ фанатизмъ по временамъ зажигаемый въ нихъ лжепророками, каковъ былъ Шихъ Мансуръ и теперешній Шихъ—Каза, и жепъ предастъ власть начальническую въ руки честолобца и удержатъ Горцевъ въ мѣсяцъ долѣ обыкновеннаго;—со вѣтмъ шѣмъ всѣ пышныя ихъ угрозы оканчиваются пустяками и выстрѣлами въ мѣсяцъ.

Ссоры за землю, споры по еосѣдству, по родству, рѣшаются въ кругу стариковъ; во соперники не обязаны слѣпо повиноваться этому произвольному третейскому суду. Вѣсто его многіе прибѣгаютъ къ Муллѣ, какъ исполковашелю Курана, но судъ Пророка уважается

только въ бездланпахъ. Вотъ образецъ послѣд-
няго вида юсупиди:—

Одинъ Унсукюлець, большой охотникъ до
водки, запыль у своего сосѣда ведра шри въ
долгъ. Не имѣя дробныхъ денегъ для расплаты,
онъ отдавалъ заимодавцу корову, чтобы поты въ
теченіе года пользовался молокомъ и масломъ ея,
протынявши золотой или молочный вѣкъ на же-
лѣзный или винный. Корова оказалась стельна
и въ свое время благополучно изводила разрѣ-
шившись очень веселенькимъ бычкомъ; но едва
началъ онъ красоваться первыми рогами, пред-
пій хозяинъ коровы спалъ пребывать его себѣ,
вѣроятно въ надеждѣ расплатить снова въ водку.
Разумѣея временной властью возопилъ про-
тивъ этого велимъ гласомъ. Слово за слово,
за споромъ ссора, за ссоромъ судъ. Люди они оба
были богобоязненные, потому что старые, и
такъ рѣшили положиться на Муллу. Я лежалъ
въ то время подлѣ мечети, когда испицы прибли-
жились къ преподобиному, сидящему на порогѣ и
ещо въ прятально глядящему на мѣсяць, какъ
будто бы онъ хотѣлъ проглотить его цѣломъ:
надо сказать что это было въ ихъ послѣд-
(Уразъ), когда захожденіе солнца есть сигналъ
объявленія, въ замѣну дневнаго говнѣя. Оба они
начали говорить вдругъ: одинъ рассказывалъ,
что онъ отдавалъ сосѣду только молочныя про-
изведенія дойнаго четвероногата, а не мясо ко-
ровы, а такъ какъ шеленокъ есть мясо отъ ми-
са матери, следовательно онъ принадлежитъ ему.
Другой возражалъ, что отдача во владѣніе ко-
ровы подразумѣвается всё, что можетъ онъ не
произойти; что стельная корова перестала доить,
следственно бычокъ есть замѣна потеряннаго молока;
наконецъ, что ни онъ, ни хозяинъ при уговорѣ
не знали и не предвидѣли этого обстоятель-
ства, а потому рожденіе вышеупомянутого бычка
онъ считаетъ не иначе какъ благословеніемъ

Аллаха и цѣня высоко милость Божію не от-
ступивши отъ нея ни за что!— Дѣло было ка-
зусное. Мулла перещупалъ укоры въ немъ пер-
спомъ все волоски съдой ~~бары~~ ~~своихъ~~ ~~здру-~~
галъ свою оракульскую шапку но на правое, по
на лѣвое ухо;—но рѣшеніе зашло въ его голову
какъ пискарь въ шину., *Аллахъ Акберъ*,
сказалъ онъ наконецъ просителю, *Мугам-
медъ Резулъ Алла!* . . . (ш. е. Богъ ве-
ликъ, а Мугамедъ посланникъ его)—посовѣтуемъ
ся съ Кураномъ въ немъ написано все что было,
что есть, и что будетъ.“—, *Аминъ, Аминъ!*
взгласили испицы—слушаемъ Курана . . . Про-
рокъ лучше знаетъ кому отдать шеленка!“—
Мулла съ важностію вынесъ Куранъ пробормо-
талъ *Аллахъ, бисмаллахъ, гѣррахманъ,*
гѣррагимъ и началъ на распѣвъ читать имъ
какой то куплетъ изъ середины, который дои-
малъ онъ столько же какъ и слушатели.—, По-
няли ли вы?“—спросилъ онъ ихъ наконецъ, пе-
реводя духъ и значительно вытирая лобъ свой.—

Просители смиренно отвѣчали что не по-
няли ни слова. „Такъ вотъ что написано въ
книгѣ Пророка:—громогласно воскликнулъ Мул-
ла—ты Джеватъ Алискеръ виноватъ передъ
Аллахомъ за чѣмъ куришь вино, вмѣсто того
чтобы варить бузу не запрещенную Миско;
виноватъ еще больше, за чѣмъ выманываешь у
сосѣда коровъ за грѣшное питье! А ты Амира-
станъ Калабалай Ахметъ-оглы—ты великой пѣ-
ница, такъ что пропилъ свою винтовку и уже
небѣдъ шѣбъ убить Русскаго во славу Аллаха! . .
За это вы оба не стоите владѣть бычкомъ, и
во избѣжаніе ссоры я приказываю отдать его въ
мечеть для бѣдныхъ путешественниковъ, а такъ
какъ ихъ здѣсь нѣтъ, то привези этого шеленка
Муллѣ Саады Аграпъ-Кули-Гаджи; *Алла-минъ*
Аллабиръ . . *Аминъ* (Богъ тысяча, Богъ
единъ Аминъ).—Приходите сего дня отдавать его

Могила Грибоедова.

Письмо изъ Тифлиса въ С. Петербургъ.

отъ 16 Маія 1830.

Я пріѣхалъ въ Тифлисъ и живу въ Грузинской саклѣ. Одна комната составляетъ мою спальню, мою приемную и мой кабинетъ. Она имѣетъ въ стѣнахъ придцать два отверстія и углубленія: шестнадцать окошекъ въ два яруса, двѣнадцать нишей, при двери и каминѣ. Кажется, я не ошибся въ счетѣ. Новость моего жилища, въ которое я перенесенъ какъ бы волшебствомъ, и все произшедшее со мною въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, производя въ моей головѣ что отъ смѣшенія мыслей и воспоминаній нѣтъ мнѣ покоя ни днемъ ни ночью. Третьяго дня, только что успѣлъ я лечь, какъ морфей спалъ производилъ надо мною всѣ проказы, которые онъ властенъ дѣлать надъ шѣломъ и воображеніемъ, изнуренными и разсѣянными долговременнымъ путешествіемъ и разнородными событіями.

Долго боролся я во снѣ съ однимъ изъ шѣхъ ночныхъ видѣній, который кажется заключающъ въ себѣ нѣчто шаманшвенное, нѣчто прорицательное—и наконецъ проснулся съ воображеніемъ ушомленнымъ тяжкими грезами. Я вспоминалъ прошедшее, думалъ о настоящемъ, мечталъ о будущемъ. Эпохъ хаосъ удовольствій и заботъ, пріятношей и огорченій, не представлялъ мнѣ ничего прочнаго, не пред-

вѣщалъ мнѣ ничего утѣшительнаго.

Я подошелъ къ окну — увидѣвъ въ стѣнѣ вѣтшествовала мрачному созвучію шихъ моей. Стихія также бушевали, какъ и мои чувства. Вѣтеръ свисталъ, усиливаясь ворваться въ излучины Тифлиссскихъ переулковъ, и барабанилъ въ прорванную бумагу верхнихъ оконъ Азіатскаго моего жилища. Дождь, просасываясь съвозъ земляную крышу (*) моей сакли, мѣрными каплями ударялъ въ кирпичный полъ. Наружное волненіе природы и внутреннее безпокойство души моей приводили въ изнуреніе чувства мои, и душевныя и шѣлесныя. Восбращеніе, какъ бы изнемогая подъ гнетомъ пасмурныхъ и спранныхъ сочувствій постепенно шеряло связь обыкновеннаго порядка вещей, и думы мои непримѣтно преобразались въ сверхъестественныя мечты. Въ семъ расположеніи духа взоры мои, обращенные на западъ, встрѣчаютъ на небоскланѣ, среди всеобщаго мрака, звѣзду сіяющую необыкновеннымъ блескомъ. Откуда могло произойти сіе удивительное явленіе? — Небо было покрыто непроницаемыми облаками и густо нисходила на землю черная мгла. — Жаръ, коимъ горѣла сія планета, зашмилъ бы и самый блескъ Венеры. — Я долго смотрѣлъ на нее — она мнѣ казалась непоспимомою, неразгадною, какъ геній для толпы пресмыкающихся смертныхъ. Чѣмъ болѣе я на нее глядѣлъ, шѣмъ болѣе

(*) Азіатскія сакли имѣють плоскія крыши, которые насыщаются въ аршіи шолцими землею.

ко мнѣ рождалось догадокъ, шѣмъ разнообразіе были мои мысли; онѣ сѣдовали одна за другою какъ перелетныя облака передъ солнцемъ. Я долго сидѣлъ въ ешомъ положеніи, голова моя повисла и склонилась на руку, и я поспешенно перешелъ въ поспешеніе, въ кошоромъ предметъ представляющійся не во снѣ и не наяву, но рисующійся передъ мысленными взорами внѣ естественнаго состоянія. . . . .

Подъ окномъ песъ завылъ прощяно, я вздрогнулъ—морозъ скользнулъ по кожѣ—казалось Ангелъ смерти вспрепенулся подлѣ меня крылами. Но вскорѣ прошло минушное вліяніе суевѣрнаго впечатлѣнія—я ошощелъ ошѣ окна и грубая койка приняла меня въ свои объятія.

Успалыя чувствва шребовали успокоенія и я соснулъ крѣпко, но душа была встрѣвожена и сошъ мой былъ непродолжителенъ. Я проснулся рано и вспрянулъ съ одра, какъ бы спрашась и самаго покоя. . . . .

Взобравшись на скалю, я наслаждался рожденіемъ прелестнаго дня. Солнце шоржественно восходило изъ-за Кахешинскихъ горъ и какъ вождь побѣдшель далеко гнало враждебныя шучи. Благодѣшельныя лучи его съ особеннымъ блескомъ отражались на шу самую шпору, гдѣ ночью блисшала шайншвенная звѣзда. Тамъ гора Тацмида, покрывая садами, гозвышалась зеленымъ амфитеатромъ. Распенія облагодѣшельшпованныя ночью дождемъ дышали новою жиз-

нію. Между зеленою расшвенными домами, рошонда Каполищца, небольшое красиво рисующееся вдали шпроеіе и вдающееся въ гору въ видѣ гроша,—башни и бесѣди. На полугорѣ, на шомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ показывалась ночью звѣзда, явилась моему взору уединенный храмъ. Онѣ сполялъ ошдѣльно, выше всѣхъ прочихъ зданій, какъ предметъ необыкновенный, ошличенный ошѣ другихъ, увлекающій невольнo вниманіе. Къ нему съ низу до верху извивалась змѣею бѣлая, живая лента.— „Эшо что?“—спросилъ я.— „Храмъ Святаго Давыда. Сегодня Чешвергѣ: Грузинки идушъ шуда на Богомоіе.“— „Тамъ могила Грибоѣдова—воскликнулъ я—и шуда красы вощока шекушъ на пошлоненіе!“

Увлеченный вощоргомъ, я взялъ свой посохъ, и несмотря на шрудность чрезвычайно крупнаго подвѣма, скоро добрался до могилы Грибоѣдова. Не доходя до церкви Св. Давыда, ушшпомъ ниже, шакъ сказашъ у подножія Храма, сѣлано въ стѣнѣ полукруглое углубленіе—и шупъ храняшся брѣнные ошашки незабвеннаго пошша. Надъ могилою не пошстроено еще никакаго памяшника, нѣшъ надписи и ни малѣйшаго признака что въ семъ мѣстѣ лежишъ Грибоѣдовъ. Долго взоръ мой былъ прикованъ къ голому камню, и мысли, въ коихъ невозможно ошдѣшъ ошчеша, смѣняли одна другую.— „Тупъ лежишъ Грибоѣдовъ, думалъ я, и ямень эшомъ безгласенъ!“— . . .

Наконецъ обрашилъ я взоры на пре-

лесный видъ открывающійся съ сей
высопы.—Предо мною, какъ сказашъ
у ногъ моихъ, представлялся пиръ при-
роды—сады обогащенные сокрови-
щами юга. Нѣсколько пониже явля-
лось шоржештво Россійскаго могуще-
ства—новый городъ, возраждающійся
изъ кущи разваливъ, вѣнами нагромоз-
женныхъ одна на другой. На право по
скалистому хребту воздымаея сугу-
бый символъ прежняго превознаго
сосполнїя столицы Грузїи и настол-
щей ея безопасности—башни и стѣны
древней крѣпости Наринхала, предо-
спавленные на произволъ разру-
шительнаго влїянїя времени и рукою
человѣческою поддерживаемыя только
какъ памятникъ прошедшаго. Внизу
со всѣхъ сторонъ кипѣла жизнью про-
мышленность, дщерь безопасности:—
въ лѣво отъ крѣпости пролегла между
садами дорога къ Таможнѣ и по ней
тянулись караваны со вьюками и по-
возки нагромозженные поварами; еще
лѣвѣе, по другой дорогѣ, подъ зубча-
тыми стѣнами красиваго Мешехскаго
замка, спускались къ мосту арбы, об-
ремененныя дарами счастливой Кахе-
тїи; къ сѣверу дорога ведущая въ го-
родъ чрезъ Московскую заставу нес-
прелась длиною цѣпью Русскаго обо-
за. Русобородые ямщики въ остро-
конечныхъ шляпахъ, въ красныхъ и
синихъ сорочкахъ, сидѣли на лубкахъ,
и послѣдїе звуки родныхъ напѣвовъ
изчезали въ воздухъ. Впереди вѣз-
жалъ въ городъ длинный рядъ Ос-
шинскихъ аробѣ, стоная (1) подъ бреме-

(1) Горцы не подмазываютъ колеса, отъ того
оно скрипитъ немилосердно.

немъ сокровищъ вывезенныхъ изъ
нѣдръ изобретательной Европы. Городъ
кипѣлъ суешностію, дѣятельностію
и разнообразїемъ, которое увеличи-
валось смѣшенїемъ Европейскаго съ
Азіатскимъ:—съ дорожною коляскою,
быстро влекомую чепвернею, встрѣ-
чался украшенный яркими Азіатскими
пиками прахтараванъ (2), медленно
везомый кашерами (3), окруженный
нюкерами (4) и сопровождаемый хара-
вашами (5) верхомъ; подалее бѣжали
дрожки и испуганные кони оббѣжали
верблюда; тамъ шелъ деньщикъ за вели-
колѣбно по-Европейски убранною дамою,
а рядомъ съ нею тянулось нѣсколько
чандрѣ; шупѣ Азіатскїй навзникъ
обскакивалъ Европейскаго франша; по
большимъ провѣжимъ дорогамъ медленно
пѣлись ешаки, нагруженные произведе-
нїями сосѣднихъ садовъ, быки навью-
ченныя шапарскимъ подашнымъ хлѣ-
бомъ, возы съ сѣномъ, арбы съ дро-
вами, фургоны съ избытками нѣмец-
кихъ колонїи и прочїя, и прочїя;—
базары полные народу, подобно му-
равейникамъ представляли самую жи-
вѣйшую дѣятельность. Древнїй Киръ,
опоясывая сію каршину бурными своими
валами, являлся со всѣми возбуждаемы-
ми имъ воспоминанїями. Онъ мчался
быстро, шумно, не зная въ печенїи
своемъ препонъ, подобно жизни не-
обузданнаго юноши, извилины его ри-
суясь зелеными спруями шерлясь въ

(2) Носилки.

(3) Мулы.

(4) Слуги.

(5) Служивки.

необозримой снѣпи.—Наконецъ взоры мои, упомлениые сѣдовашъ за изгибами сего горнаго полюка въ пущую и однообразную даль, обратились на лѣво и вознесшись до облаковъ встрѣтили гордую главу Казбека и величественную цѣпь снѣжныхъ исполиновъ.. Пораженные удивленіемъ они долго покоились на семъ великолѣпномъ зрѣлище не смѣя проспираться далѣе.— Но ледяные предѣлы могли только осознать чувствленіе мое зрѣніе— для умшвеннаго взгляда и самыя граничныя скалы были прозрачны какъ стекло: за ними воспоминаіе и воображеніе рисовали самыя прелестныя картины— но въ опдаленіи и задернушы мрачнымъ туманомъ...

Я долго стоялъ неподвижно, любуясь сими очаровательными видами.. Они были богаты разнообразіемъ, увлекали вниманіе, восхищали умъ и сердце какъ мечшы поэта. Съ прудомъ я рѣшился отпоргнуться отъ сего волшебнаго мѣста—и спускаясь обратно, былъ въ шагомъ же восхищеніи отъ послѣдней завѣщательной мысли Грибоѣдова: быть похоронену у Св. Давыда—какъ отъ гениальныхъ прелестей безпрестанно встрѣчаемыхъ въ безсмертномъ его швореніи: *Горе отъ ума.*—

Вечеромъ, подошедъ къ окну, я увидѣлъ вновь завѣщующую звѣзду. Небосклонъ былъ чистъ. Миліоны звѣзд блискали на немъ. Они будшо ожидали новую гостью, которая стояла неподвижно между небомъ и землею. Казалось душа Грибоѣдова, оплешая

къ новому міру, невольно разлучалась съ землею, которую хотѣла еще одарить многими прелестями, — для которой не все еще совершено, что ей предназначено было!—

***

КОРРЕСПОДЕНІЯ

Письмо къ Издателю Тифлисскихъ Вѣдомостей.

Милостивый Государь!

Примѣчаніе сдѣланное вами къ спашь моей, о богашествѣ и произведеніяхъ Эриванской Провинціи (*), заставляешъ меня невольно взяться за перо.—Слишкомъ спранно показалось бы что я, жившій Арменіи, могъ оспашься въ неизвѣстности о подвигѣ совершенномъ почти подъ глазами моими, и столь достопамятномъ какъ достиженіе вѣршины Арарата.— И шакъ я щитаю обязанностію предшавить передъ лицомъ публики объясненіе мое по сему предмету.—

Въ то самое время когда ученая экспедиція находилась на Араратѣ, и я по дѣламъ службы обвѣждалъ деревни, лежащія около подошвы сей горы. Съ особеннымъ любопытствомъ я ежедневно освѣдомлялся обв успѣхѣхъ въ покушеніяхъ Экспедиціи; но ежедневно получалъ извѣстія неблагопріятныя.—Принимая живѣйшее участіе въ столь смѣломъ предпріятіи, я приписывалъ неудачи болѣе тому что эк-

(*). Тиф. Вѣдом. No 5, страница 40.

нихъ по языковъ Гюльденштепа или исторію завсраковъ Кавалера Гамбы. Впрочемъ книга послѣдняго, не смотря на не бывающую ея Географію и кучу другихъ ошибокъ, имѣетъ достоинство пѣль, что обращаетъ вниманіе на вѣчную торговлю Европы съ Азіею черезъ Кавказъ. Мысли его очевидно преувеличены, ему можно сказать: „Vous êtes orgévre M. Joss!“ но всё таки видно, что книгу сію писалъ Европеецъ XIX-го вѣка, не геній, не мудрецъ, не ученый, но чловѣкъ съ умомъ. Путешествія Клапрота нельзя ставили на одну доску съ тремя упомянутыми: въ немъ вы находите ученаго историка и хорошаго Оріенталиста; но видно, что онъ пріѣхалъ на Кавказъ съ гошовой системою . . . Пришомъ же онъ вездѣ былъ пролетомъ, и это вездѣ ограничивалось очень немногими мѣстами. Послѣ него совершившаяся революція въ Кабардѣ, революція, о которой Русскіе не удостоили даже узнать, не только писать, хотя она изгнаніемъ Клязьковъ и Узденей или конечнымъ ихъ истребленіемъ возмущившимися подданными, совершенно измѣнила феодализмъ въ анархію, и слѣдовательно описанное имъ получило большую цѣну какъ памятникъ прежняго, но уже не имѣетъ никакой въ отношеніи къ настоящему порядку.—Извѣстія о Кавказѣ Г. Броневскаго, книга полезная для учащихся, но неудовлетворяющая потребности мыслишеля. Это сборникъ дѣльнаго и догадокъ, былого и небывалаго, безъ всякой исторической критики. Благодаримъ Г. г. Издательей Тифлисскихъ Вѣдомостей, за то что они начинаютъ знакомить насъ съ обрусѣлыми Закавказскими провинціями—но это одна бахрама—намъ хочется заглянуть въ средину орлиаго гнѣзда, подсмотреть пшеницовъ его въ расплоть. Слова нѣтъ, чрезвычайно любопытно читать о новооткрышій на Кавказѣ божьей коровкѣ, о невиданномъ до-

сель репейликѣ, о томъ что разувъ и дресне подь именовъ Фаза и Камбиза, и ошъ чего вѣдлась басня о золотомъ рунѣ Колхиды? . . . все это необходимо въ области наукъ; но для чловѣка самое нужное, самая поучительная снатья есть чловѣкъ, и намъ бы хотѣлось лучше знать настоящіе нравы, обычаи, привычки горцевъ, нежели играть въ жмурки съ древини Меланхленами и спорить происходятъ ли Бжедухи отъ Спрабоновыхъ Скешуховъ, конхъ Богъ знаетъ почему Г. Броневскій назвалъ Скиптроносцами.— Благодаря Высшему Начальству уже нѣсколько просвѣщенныхъ офицеровъ разосланы по всѣмъ концамъ Кавказа для подробнаго описанія всѣхъ мѣстъ, куда могутъ они проникнуть, но до сихъ поръ мы ограничиваемся еще одною надеждою и Кавказскіе горцы ждутъ пера подобнаго перу Казака-Историка, соединившаго съ прелестію разсказа точность историческую. Пускай не оцвднѣтъ такую попытку на Кавказѣ—ей обрадуются въ Россіи—ибо намъ лучше вѣдаютъ цѣну ума и рѣдкость хорошаго писателя.—Чѣмъ однакожь будетъ руководствоваться эшотъ будущій писатель? Матеріалы военные состоятъ въ однихъ реляціяхъ, этнографическія въ прошиворѣчущихъ другъ другу книгахъ, въ пустыхъ изустныхъ преданіяхъ: сколько труда, чтобы разобрать старыя извѣстія—сколько опасностей для пріобрѣтенія новыхъ! Гмелинъ заплашилъ жизнью за страсть къ познаніямъ; Шшабсъ-Капитанъ Левъ Зубовъ умеръ въ пуши отъ мѣстнаго заразительной болѣзни . . . Капитанъ Новицкій едва не впалъ въ плѣнь Пашухайцевъ . . . но неужели это можетъ испугать людей горячихъ самоотверженіемъ для пользы общей? Сошнни мореплавателей блнулись искать слѣдовъ погибшаго Лаперуза по безслѣдному Океану, и кости Мунго-Парка въ пѣскахъ Африканскихъ породили новыхъ изыскашелей . . . почему же

спедиція нѣсколько опоздала своимъ прїздомъ, ибо прибыла въ Эривань когда Араратъ успѣлъ уже покрыться довольно густымъ снѣгомъ.— Наконецъ донесено мнѣ было со всею подробностію о водруженіи креста на той почтѣ, до которой возможно было достигнуть и объ обратномъ отправленіи экспедиціи въ Россію.

Нѣсколько времени спустя, я съ неописаннымъ удивленіемъ прочиталъ въ газетѣ извѣщеніе, что цѣль экспедиціи достигнута и что вершина Арарата опредѣлена барометрически.—Послѣ того я возобновилъ распросы свои. Въ 1829 году, въ Декабрѣ мѣсяцѣ, при управлявшемъ Армянскою Облестію Князѣ Аргушинскомъ-Долгоруковѣ, я спрашивалъ Степанъ Агу, Старшину селенія Ахуры, въ которомъ квартировала Ученая Экспедиція. Ошвѣтивъ его былъ: что онъ ни на шагъ не отставалъ отъ путешественниковъ, и что невозможно было достигнуть выше того мѣста гдѣ водворенъ крестъ.—Сто разъ я слышалъ отъ Командира баталіона 41-го Егерскаго полка, квартировавшаго въ Эривани, что Егеря конвоировавшіе экспедицію говорятъ, что не были на вершинѣ Арарата.—О мѣстѣ, гдѣ поставленъ крестъ мнѣ объяснили, что въ хорошую погоду охотники достигаютъ и выше, но что до вершины горы еще по крайней мѣрѣ на цѣль сушки ходьбы.

Вашъ, Милосливый Государь, обещательство, побудившее меня выражаться словами упош

мною упоминалъ объ Араратѣ.— Я не хочу сомнѣваться, чтобы Ученая Экспедиція не исполнила своего долга, но я явила передъ цѣлымъ свѣтомъ, но я такого мнѣнія, что слѣдовало ей подвигъ свой совершить болѣе по жеспвенно, и такимъ образомъ чтобы не оставилъ въ публикѣ ни малѣйшей недовѣрчивости въ справедливомъ успѣхѣ, а шѣмъ болѣе въ Эриванской Провинціи, и между жителями самаго Арарата.—

Опдавая полную справедливость ученымъ шудамъ почтеннаго Профессора управлявшаго Экспедиціею, я покорнѣе прошу его не щиташъ во мнѣ какой либо неблагонамѣренности. Напротивъ того въ семъ случаѣ руководствуюсь мною одно пламенное желаніе, чтобы онъ могъ опровергнуть общее мнѣніе Эриванскихъ жителей и представилъ предъ публикою доказательство къ прекращенію всякой недовѣрчивости, ибо я еще повторяю: въ цѣлой Эриванской Провинціи,—исключая Дьячка подписавшаго свидѣтельство объ успѣшномъ окончаніи предпріятія,—отъ малаго до большаго, всѣ утверждають, что Экспедиція не была на вершинѣ Арарата. Въ доказательство того говорятъ, что ежели бы ученые путешественники могли достигнуть выше на горѣ, то конечно не водрузили бы креста своего такъ близко къ ея подношью.—

Прося васъ покорнѣе напечатать сіе мое письмо въ издаваемыхъ ами Вѣдомостяхъ, имѣю честь пре-

бышь съ совершеннымъ почтениемъ
и шаковою же преданностию вашимъ,
Милосливый Государь,
покорнѣйшимъ слугою

И: Щопенъ.

8 Февраля 1831 года,
Г. Эривань.

СТАТИСТИКА.

СТАТИСТИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ НА ПРОВИНЦІЮ НАХИЧЕВАНСКУЮ.

(Оконтаніе).

5.) *Нравственное свойство жителей.* О характеристикѣ жителей Нахичеванской Провинціи безошибочно можно сказать то же самое, что изложено о жителяхъ Провинціи Эриванской.

Б) Народное богатство.

Не входя въ подробности, показанныя въ сей справкѣ при описаніи Эриванской Провинціи, замѣшимъ, что *Хлѣбопашествомъ* занимаются, за исключеніемъ Цыганъ, Каратей, всѣ вообще жители Нахичеванской Провинціи, какъ въ низменныхъ, такъ и въ гористыхъ мѣстахъ; только въ Ордобашскомъ Округѣ, по причинѣ гористаго мѣстоположенія и каменистаго грунта земли, обрабатывающіяся шѣ только мѣста, на коихъ можно проводить воду; неполивныхъ же мѣстъ, занятыхъ подъ хлѣбопашествомъ, въ Ордобашскомъ Округѣ весьма немного.

Скотоводствомъ занимающія преимущественно кочующіе народы, и по сему самому въ Ордобашскомъ Округѣ, гдѣ вѣсть кочующихъ, сія отрасль народнаго богатства весьма мало важна. — Качество земли сего Округа не представляешь никакихъ способовъ къ жизни для кочующихъ народовъ: пастбищъ и сѣнокосовъ въ ономъ почти нѣтъ.

Садоводство и шелководство суть главныя отрасли промышленности въ Ордобашскомъ Округѣ, коими жители занимающіяся весьма деятельно. Изобилуя лучшими плодами, Округъ сей снабжаетъ оными сосѣдственныя мѣста и шѣмъ самымъ доставляетъ жителямъ весьма значительныя выгоды.

Солончакъ горы находящіяся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Нахичеванскаго и Даралагѣзскаго Магаловъ, Спашья сія находящіяся на ошкучу и приносятъ казны ежегоднаго дохода 4,400 рублей серебромъ.

Избытками своихъ произведеній жители Нахичеванской Области, въ особености же Ордобашскаго Округа, ведутъ торговлю съ нашими Мусульманскими провинціями и Дагестаномъ, гдѣ, сбывая часть своихъ произведеній, покупаютъ шамотныя и вѣщи съ своими отправляютъ въ Асшраханъ и далѣе.

III. Раздѣленіе Нахичеванской Провинціи.

Нахичеванская Провинція состоитъ изъ трехъ Округовъ: *Нахичеванскаго, Даралагѣзскаго и Ордобашскаго.*

1.) *Нахичеванскій.* Въ семъ Округѣ главнымъ мѣстомъ служитъ городъ *Нахичевань*. Въ немъ есть остатки древнихъ укрѣпленій, и отъ оныхъ въ одной верстѣ на югъ находящіяся полуразрушенный четырехугольный замокъ съ глубокими рвомъ и наружными пристройками. Въ городѣ считается, какъ выше уже было замѣчено, 1114 семей.

По прямой дорогѣ отъ Нахичевана до Ордобаша въ 30 верстахъ осматривается въ лѣво отъ рѣки замокъ *Аланджакъ*, построенный на неприступномъ возвышеніи; сей замокъ, въ случаѣ войны служилъ жителямъ укрѣпленіемъ, и, если вѣришь преданію, держался 7 лѣтъ противъ одного изъ полководцевъ Тамерлана.

Джульфа. Былъ прежде весьма большою городъ, изъ коего жители переведены Абасомъ Великимъ въ Испагань; нынѣ состоитъ изъ 25 домовъ. Въ верхъ отъ сего мѣста до Араксу, на

ходится каменное ущелье, въ коемъ есть нѣсколько Армянскихъ селъ и два монастыря.

Крѣпость Абасъ-Абатъ есть пятиугольный полигонъ съ башнионами.

2.) *Даралагезскій*. Черта, отдѣляющая сей Магалъ отъ предыдущаго (камышъ) находится за селеніемъ Карабаба.

Главное мѣсто въ семъ Магалѣ селеніе *Кешиджкендъ*, въ которомъ живутъ два Магалыные Наиба.

3.) *Ордабатскій*. Главное мѣсто въ семъ Магалѣ есть укрѣпленный городокъ Ордабатъ, лежащій на берегѣ Аракса. Въ немъ счищается 500 семей и входящая фабрика бумажныхъ издѣлій и сады. Общей ограды около города нѣтъ, а есть и небольшой замокъ, вокругъ же домовъ каменныхъ сѣны.

Въ Селеніи *Мипери* около 100 домовъ Армянскихъ, укрѣпленія нѣтъ, выключая небольшого замка съ тремя башнями. Жители здѣсь Армяне малое число Персиды и Ташаръ.

IV. Образъ управленія.

По образу управленія Нахичеванская Провинція можетъ быть раздѣлена на двѣ части: первая заключаетъ въ себѣ Магалы Нахичеванскій и Даралагезскій, а вторая Ордабатскій.

Магалы Нахичеванскій и Даралагезскій управляются полицейскимъ управленіемъ, подъ предѣдательствомъ Наиба Полковника Эсанъ-Хана и находятся въ непосредственной зависимости отъ Армянскаго Областнаго Правленія. Въ городѣ Нахичеванѣ учрежденъ Городовой Судъ.

Нахичеванскій Магалъ особаго Магалынаго Начальника не имѣетъ, по всегдашнему пребыванію въ городѣ Нахичеванѣ самаго Наиба; надъ переселенцами же поставленъ временно одинъ Магалыный Начальникъ изъ Армянъ.

Даралагезскій Магалъ имѣетъ двухъ Магалыныхъ Начальниковъ одного изъ Ташаръ надъ Мусульманами, другаго изъ Армянъ надъ переселенцами Азербайджанскими.

Округъ Ордабатскій управляется также полицейскимъ управленіемъ, подъ предѣдательствомъ Наиба Шахъ-Али Бека и на шомъ же са-

момъ основаніи. Для гражданскія и уголовныя, по сему округу, пребудяція судебнаго произво-дства, ошсмаются въ Нахичеванскій Городовой судъ.

ПРОВИНЦІЯ ТАЛЫШИНСКАЯ.

A.) ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ЗЕМЛИ.

1. ФИЗИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ОНОЙ.

1 *Велитина*. Провинція Талышинская лежитъ между 65° и 67° Восточной долготы и между 40° и 38° сѣверной широты.

2 *Границы*. Граничить къ *Сверху* и къ *Востоку* съ Провинціею Ширванскою, отъ которой отдѣляется рѣкою Курю и разными болошами и озерами, коихъ названія неизвѣстны; остальную часть восточной ея границы составляетъ Каспійское море и часть оного—заливъ Кизилагачскій; къ *Югу* съ Персіею, отъ которой отдѣляется рѣкою Чи лаванъ; къ *Западу*, тоже съ Персіею и съ Провинціею Карабагской, отъ сей послѣдней отдѣляется рѣкою Араксомъ.

3. *Пространство*. Талышинская Провинція отъ самой сѣверной своей оконечности до селенія *Ловандавилъ*, лежащаго на Южной, заключаетъ въ себѣ около 200; а отъ селенія Кизилагачъ до брода Едибулукаго на рѣкѣ Араксѣ коло 160; въ окружности же имѣетъ болѣе 40 ш. квадратныхъ верстъ.

4. *Горы*. Граница съ Персіею и близъ лежащихъ мѣстъ покрыта дѣвью горъ, которая, вѣроятно, имѣетъ начало отъ Персидскаго хребта, отдѣляющаго Карабагъ отъ Азербайжана; но частныя названія отраслей и отдѣльныхъ горъ неизвѣстны и самымъ шумецамъ. Горы сіи покрыты густымъ лѣсомъ, годнымъ для строенія, имѣющъ вершину каменистую, а въ видныхъ своихъ ошлогостяхъ заключающъ песчанникъ съ известью и съ глиною. Это общее свойство горъ Закавказскаго края.

5. *Воды*. Каспійское море и заливъ оного Кизилагачскій омываютъ восточный берегъ Талышинской Провинціи. Нѣсколько малыхъ

острововъ въ семь заливъ и островъ Сара близъ мыса Комбалии причисляюща къ Талышинской Провинціи.

Вообще Каспійское море до сихъ поръ не приноситъ значительной пользы Закавказскому краю; но по крайней мѣрѣ служишь сообщеніемъ между прибрежными провинціями и Астраханью.

Рѣки. Кура и Араксъ омываютъ только границы Талышинской провинціи.—Всѣ прочія рѣки вытекающія изъ горъ ограждающихъ ея Юго-западныя границы и впадающія въ Каспійское море. Изъ нихъ главныя суть: Чаливанъ, вытекающая въ Персіи и составляющая собою южную границу; Ленкоранка, такъ названная по городу Ленкорани, близъ котораго она впадаетъ въ Каспійское море; Валлиъ, впадающая южнымъ рукавомъ въ море, а сѣвернымъ въ Кизилдагачскій заливъ; и Билеару, вытекающая въ Персіи изъ горъ, она въ Талышинской провинціи есть самая значительная.—Прочіе же потоки и рѣчки, впадающіе большею частью въ показанныя рѣки, по причинѣ своей маловажности, не заслуживають вниманія.—Всѣ же рѣки вообще имѣютъ свойства горныхъ рѣкъ: заключающъ воду здоровую; по ущельямъ текутъ весьма быстро, съ приближеніемъ же къ морю теченіе ихъ становится слабѣе; но малой глубины и широты не судоходны, за исключеніемъ мѣсяца Апрѣля, всегда удобопроходимы въ бродъ; мощновъ не имѣютъ; въ некоторыхъ рѣчкахъ устья проросшиномъ, изъ коего Таттары спросташъ себѣ жилища.

6. Повея вѣтры. Долина Талышинская, простирающаяся ошъ нижнихъ покатошней горъ до моря, заключаель въ себѣ сначала известковошый камень и черноземъ, перемешанный съ глиною а ближе къ морю, берега котораго устья мпожешвомъ бодошь и ничтожныхъ озеръ, большею частью рыхлый пѣсокъ и илъ.

7. Климатъ. Горисшал, то есть Юго-западная часть Талыша, вообще здорова: зной и холодъ здѣсь умеренный; средина несстердимо жарка, такъ что въ иное время въ сихъ мѣстахъ шеромешръ показываель ошъ 36° до 38° въ пѣни; восточная же часть, или берегъ моря, хошя и не подвержень сподъ сильнымъ жарамъ, во болошисшая почва, испаряющая азощъ и

сырые вѣтры, дующіе съ моря, делаютъ ее самою нездоровою.

8. Естественныя произведенія. Бескметенныя произведенія суть: пшеница, ячмень, просо и чалыкъ (родъ проса), сарашиель (пшеница) и рыжа, горохъ, бобы, чечевица, ленъ, хлопчатая бумага, дѣсь, фрукшвыя деревья и кушарни какъ рогашый, скошь, лошади, овцы, разные домашніе и дикіе животныя и птицы, всякаго рода рыбы; изъ царства же ископаемаго только глина, известъ и дикій камень употребляемый иконошыми для спроенїа.—Пшеницу сѣють по ошлогошпльмъ горъ, а просо и чалыкъ и горошисское пшено по низмѣнянымъ мѣстамъ. Рыбныя ловли находящя на Куръ не вдалекѣ ошъ Сальискихъ. Вообще всѣ сїи произведенія удовлетворяель внутреннїа претованїа жишелей.

9. Сообщенїа. Водныя сплавы въ городѣ Ленкоранѣ производяель по Каспійскому морю большими судами до города Астрахани, а мелкими до мѣстечка Сальиъ, вѣрности Баи и Дербеша, и Персидскихъ поршвовъ: Зинзилей, Коргаручи и Сперидури. Чрезъ морсшю заливъ, образуемый мысомъ Кумбани и называемымъ Кумбанишскимъ, имѣель порамныи казенный перевозъ. Сухопущныя дороги въ исправности: для движенїа пошь, возки Курьеровъ, и проезжающихъ станцій не имѣель, а есть ошъ Ленкорана до Сальиъ два поща обывашельскихъ.

II. РАЗДѢЛЕНІЕ.

Талышинская Провинція дѣлїелься рѣкою Балгару на двѣ почти равныя части: Сѣверную и Южную: 1-я заключаель въ себѣ степь Муганскую, на кошорой насущъ снада зимою и на кошорой, по причинѣ большаго количества змѣй, вѣшь постоянныхъ жилищъ, а только находяель зимники; 2-я посполнїю обшисаема и состоишь изъ 8 Магаловъ, кои, начиная съ сѣверныхъ, суть сѣдующїе: 1-е, Аркеванскїй, съ главнымъ селенїемъ Аркеванъ, лежащемъ на правомъ берегѣ Вилямъ. 2-е Ленкоранскїй, съ главнымъ городомъ Ленкораномъ, нах одающимъ на бергѣ моря, при устьи Ленкоранки; въ немъ имѣель Россїйская Церковь, при Грузинскомъ линейномъ Но Бго бапалїовѣ, вшспроенїа изъ шросшника на деревляннхъ шолбахъ, обмазанная глиною и покрышая осолою; шакоея же Армянская и мечеть изъ сираго кирпича, покрыва

осокою; казенныхъ персидскихъ каменныхъ бань три, и наконецъ комышевыхъ на деревянныхъ шюдбахъ два сарая, для хранения кулевого казеннаго провианша; 3-е Астаринскій, съ главнымъ селеніемъ Астарту, лежащимъ на берегу моря, верстахъ въ 25-ти отъ южной границы. Всѣ сии магалы лежатъ по берегу моря, а Астаринскій занимаетъ пространство отъ берега до западной границы съ Персіей! Отъ Юга къ Сѣверу лежатъ слѣдующіе магалы: 4-е Зувантской, 5-е Дрыхской, 6-е Оларской, 7-е Себидажской и 8-е Муранкувской.— Въ нихъ счисляется кромѣ города Ленкорана 228 селеній,

Б). СОСТОЯНІЕ НАРОДА.

Народонаселенность.

1. Число народа. Въ Тальшинской Провинціи счисляется около 26000 душъ обоего пола, и именно въ магалахъ:

1-е, Аркеванскомъ	4165	15,502 душъ мужескаго по- ма.
2-е, Ленкоранскомъ.	4590	
3-е, Астаринскомъ.	1489	
4-е, Зувантскомъ.	391	
5-е, Дрыхскомъ.	2002	
6-е, Оларскомъ.	597	
7-е, Себидажскомъ.	1550	
8-е, Муранкувскомъ.	729	

2. Отношеніе народонаселенія къ пространству земли.

Изъ сего отношенія получимъ пропорцію 1: $2\frac{2}{3}$, то есть: на каждыя пять квадратныхъ верстъ причитается по 13 душъ обоего пола; но если опредѣлимъ пространство необитаемой степи Муганской, которая составляетъ собою едвали не большую половину Тальшинской провинціи, то пропорція будетъ слѣдующая: 1: $5\frac{1}{3}$, то есть: на каждыя пять квадратныхъ верстъ причитается по 26 душъ обоего пола.

С М Ъ С Ъ.

О ДѢЙСТВІИ УГЛЕВОДОРОДНАГО ГАЗА ПРОТИВЪ ЗАРАЗЫ.—

Въ прошедшемъ году, въ № 90 нашихъ

Вѣдомостей, мы довели до свѣденія нашихъ читателей важное открытіе, сообщенное намъ Бакинскимъ Комендантомъ, Подполковникомъ Коломийцевымъ, о дѣйствіи углеводороднаго газа противъ заразы, теперь мы получили отъ него же въкраточіе подробности о наблюденіяхъ сдѣланныхъ по сему предмету.

Углеводородный газъ освобождается изъ земли не на всѣмъ пространствѣ Апшеронскаго Мыса, а только на шестъ мѣстѣ, гдѣ построено Индѣйское капище и гдѣ расположены два селенія Сураханы и Балаханы. Дабы достать газъ сжечь только всунувъ въ землю маленькую шрубчатку или прокопавъ небольшое отверстіе и отъ прикосновенія огня горячій воздухъ воспламеняется. Въ Индѣйскомъ капище газъ сей въ большомъ употребленіи—вътѣ мѣста гдѣ бы онъ не горѣлъ: и посреди двора гдѣ построены олшарь, на которомъ безпреставно выластятъ въ большихъ массахъ священныи огонь, и внутри монастыря гдѣ онъ горитъ не только внутри келій, но даже надъ каждою изъ оныхъ посредствомъ шрубъ проведенныхъ вездѣ. Газъ очищаетъ воздухъ посредствомъ горѣнія, какъ доказываешь изъ опыта; ибо не только холера въ 1823, 1828 и 1830 году не коснулась сего монастыря; но даже замѣчено, что жители онаго оставались неврикосновенными и отъ самой чумы свирѣпствовавшей въ Бакинской Провинціи въ 1813 и 1814. Напротивъ въ упомянутыхъ селеніяхъ Сураханы и Балаханы, гдѣ вовсе не занимающа сими газомъ и не зажигаютъ онаго, холера появлялась—но дѣйствовала однако же весьма слабо.

Въ томъ же извѣстномъ помѣщенномъ въ означенномъ № 90 нашей газеты, мы издѣлили желаніе узнать о шрехъ селеніяхъ не подвергнувшихся такъ же заразы, не расположены ли они на той землѣ, изъ которой выходитъ загорающійся газъ, Почтеннѣйшій корреспондентъ нашъ уведомляетъ насъ нынѣ отрицательно, сообщая намъ, что еще было вышю иное какъ дѣйствіе е случая.

Поправка. Въ № 6. нашихъ Вѣдомостей насловащаго года, въ стихахъ, вкралась ошибка: вмѣсто отражены, надлежитъ читать отраженне.

у насъ не найдется людей довольно ученыхъ, чтобы предпринять, и довольно смѣлыхъ, чтобы исполнить ученое путешествіе внутрь горы?

Слѣдуетъ вопросъ: возможно ли это?

Прежніе путешественники говорили (и вѣрять кто хотѣлъ), что за небольшую плату Горцы нанимались въ кунаки или Князекъ давала охрану изъ нѣсколькихъ всадниковъ и съ ними можно было ѣздить куда вздумается. Блаженныя времена! Съ тѣхъ поръ всё перемѣнилось на Кавказѣ. Горцы въ каждомъ проѣзжемъ видя шпиона не дозволяютъ никому, ни подъ какимъ предлогомъ, проникать въ свои ущелья; слѣдственные топографическія наблюденія подъ видомъ проѣзда для переговоровъ не могутъ быть удачны. Да если васъ и поведутъ куда нибудь, то кто поручится что не самою трудною дорогою, или не чрезъ селенія нарочно набитыя людьми? Путешественникамъ подъ покровительствомъ начальства не должно слишкомъ вѣряться: они ѣдутъ такъ сказать съ барабаннымъ боемъ, съ Есаулами скачущими впередъ и сзади, и отъ того видятъ лишь праздничной народъ, а такъ какъ Азіатцы чрезвычайно скрытны передъ тѣми, коихъ почитаютъ близкими начальникамъ, то никогда не окажутъ своего истиннаго характера. Тѣмъ болѣе скрываться станутъ горцы передъ непріятельскимъ посланцемъ; а саншменпальныхъ путешественниковъ, не смотря ни на какого кунака, едва ли пропустятъ далеко: враждующіе между собою племена, деревни, семьи и первой Узденъ, встрѣтивъ его на пути, не упустятъ полюбостествовать какого цѣна у него кармазы, и пошомъ раздѣвъ до рубашки, хоть бы ему вовсе не хотѣлось спать, пригласятъ поспать у него дома, накинувъ по чеченскому этикету арканъ на шею. И можетъ ли быть иначе въ странѣ, гдѣ каждое племя (я не говорю на-

родь), имѣетъ отличный языкъ, особыя повѣрья и никакого правленія надъ собою, никакихъ обязанностей между собою; гдѣ все связанны лишь одною нитью—это необходимо ли? Развѣ боя и недоверіемъ къ иноземцу? Выходитъ, чтобы узнать ихъ надосугъ и въ обычномъ быту, нѣтъ иного средства, какъ изучить въ совершенствѣ какое нибудь горское нарѣчіе, и проникнуть внутрь Кавказа подъ видомъ Горца—дѣло едва ли возможное; или выдать себя за Татарина преслѣдуемаго Русскими—это легче, но подвержено многимъ случайностямъ отъ насмѣшливыхъ Татарскихъ бѣглецовъ; или наконецъ даться въ плѣнъ, плѣ явившись бѣглымъ солдатомъ . . . само собою разумѣется, что въ послѣднихъ двухъ случаяхъ свобода и самая жизнь ваша, въ рукахъ у перваго встрѣчнаго; и вмѣсто познаній можете приобрести одинъ тяжкій опытъ и ничего не сыскавъ потерять свободу, можетъ быть навѣчно. Такого самоотверженія несправедливо требовать и напрасно ожидать.

Но то что не можетъ быть видимо, можетъ быть услышано: во первыхъ отъ выходцевъ горскихъ . . . но можно ли доверять ихъ безкорыстною или безпристрастною? Во вторыхъ изъ разказовъ Армянскихъ и Европейскихъ торговцевъ, ошваживающихся иногда въ горы для промѣна: если вы будете довольны словами, что шамъ и шамъ дорога очень дурна, а шамъ-то ковры очень дороги. Отвѣтовъ о нравахъ, о сношеніяхъ, объ отношеніяхъ горцевъ вы такъ же напрасно отъ нихъ будете ждать, какъ отъ березы дубковъ—да и къ какимъ философическимъ замѣчаніямъ способенъ человекъ, у котораго душа качается на вьюкѣ съ поваромъ, которому кажется будто всякой дустъ тѣрну ошваиваетъ его чтобы ограбить, и каждый камень грозитъ побить. Остается одинъ источникъ: это разговоры съ возвратившимися

изъ горнаго плѣна Офицерами, выкупленными или ушедшими отъ суда солдатами, и наконецъ выданными Русскими бѣглецами.—До сихъ поръ, кажется, не удалось ни одному дѣльному офицеру попасться въ плѣнъ, и вырваться изъ него, для того, чтобъ познакомиться насъ съ горцами какъ В. М. Головинъ познакомилъ съ Японцами. Пишеть о Кавказѣ дѣльно—надо знать грамотѣ не по палочкамъ; даже разсказывать должно съ умѣньемъ, а умѣнье дается не всякому отъ природы и никому отъ казны. При томъ же равнодушіе товарищей ко всему близкому и окружающему невообразимо. Начни ктонибудь описывать Горцевъ, сей часъ послышатся голоса: „Что брашецъ про нихъ толковать! Сказано что Азія, такъ Азія и есть.—Эй, Мишка, подавай столъ!“ И пошло на лѣво, даму за ухо валета на рѣ, а между тѣмъ стеклянная комната кругомъ да кругомъ, воспламеняя умы и носы. Попробуйте предложить имъ выписать журналъ, купить полезную книгу, вы увидите какое экономное лице они состроятъ: „Помилуйте велико ли наше жалованье!“ А донскія бушлыки летящъ за окно дюжинами, и едва ли не каждый переплатитъ въ годъ втрое болѣе за карты, какъ нужно на 20 хорошихъ швореній. Такова любовь къ чтенію—можете судить велика ли охота къ письму: они также дивятся увидѣвъ чловѣка съ перомъ въ рукѣ, какъ тому, еслибъ у него былъ вѣшушій хвостъ назадъ. Для чловѣка необходимо ободреніе, извѣстность, слава—безъ нихъ и даровитый умъ дремлетъ въ бездѣйствіи. . . На Кавказѣ онъ можеть просидѣть до будущаго вѣка. Со всѣмъ тѣмъ не хочонся вѣрнѣе, чтобъ въ числѣ многихъ достойныхъ Офицеровъ Кавказскаго Корпуса не нашлось дѣятельныхъ людей, которые бы вырыли схороненную каадомъ славу тысячи чашныхъ подвиговъ, и собрали бы въ одинъ сноцъ

разсѣянные лучи познаній о народахъ, съ которыми теперь боремся. Тутъ цѣлю не пустое любопытство, а видимая выгода и выгода священна, ибо покореніе Кавказа подвинетъ далеко впередъ цѣлое чловѣчество и, такъ сказать, сроесть этотъ порогъ между двумя материками. Не всякой можеть красно писать, но всякой можеть пояснить что нибудь достойное описанія;—почему бы на примѣръ всѣмъ и каждому не принести своего камешка на постройку зданія славы и пользы? Желательно только чибъ господа, которые возмущены за сборъ матеріаловъ, не обременяли его учебными формами: писать по линейкамъ намъ право наскучило и въ школь. А поному если вы, по общей привычкѣ, сшили свою тетрадь трехцвѣтнымъ шелкомъ и очень красиво выставили Главы: *О правленіи горскихъ народовъ; о религии, о языкѣ, Исторія, нравы, обычаи* и тому подобное. . . сверните эту тетрадь въ трубку, свяжите на крестъ шнуркомъ, и со всего размаха бросьте въ огонь.—Люди любящъ чшобы ихъ учили безъ указки въ рукахъ. . . чшобы полезное было въ плащѣ пріятнаго.—Дайте же намъ менѣе порядка, но болѣе живости, менѣе учености, но болѣе занимательности. . . облеките всё въ драматическія формы. Мы конечно лучше познакомились съ Шотландією по романамъ Валшера-Скотта, нежели по самой Исторіи. Съ моею стороны, находя слѣдующій разсказъ довольно любопытнымъ, приношу его какъ свою дѣньгу въ казну свѣдѣній о Кавказѣ. Если въ немъ нтъ еще новаго въ описаніяхъ, за то есть оно въ способѣ воззрѣнія. Я выпустилъ побочные вопросы, кои бы могли замѣдлить ходъ непоясня дѣла и можеть быть пропустилъ много занимательнаго—это вина моея памяти, а не воли. По крайней мѣрѣ я старался сохранить, сколько могъ, разговорную прошлую

въ слогѣ, со всѣми выраженіями разскащика.
 Чѣмъ богать, тѣмъ и радъ.

1831

— * —

Койсувулинцы (*).

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ отрядъ нашъ стоялъ за селеніемъ Эрпинами лагеремъ, для предупрежденія набѣговъ отъ Койсубулинцевъ, которые съ Акушинцами и Аварцами собирались толпами, въ намѣреніи пограбить границы, покрытыя Русскими знаменами. Это было въ Августъ мѣсяцъ. Отрядомъ командовалъ тогда новый начальникъ недавно прибывшій изъ Россіи; человекъ съ большими познаніями, испытанной храбрости, но съ совершенно Европейскими понятіями о горской войнѣ и съ рыцарскими правилами народнои чести. Какъ водится, прежде чѣмъ помѣряться оружіемъ, пышались угрозами и убѣжденіями.— Они и сами, наскучивъ слишкомъ долгимъ для нихъ сборищемъ и видя войска гошова въстрѣпнать и проводить ихъ, наконецъ склонились разойтись по домамъ. Но тамъ гдѣ нѣтъ народа, можешь ли быть что нибудь общее, купное? и потому половина ихъ уже разсѣялась, когда другая, побѣдѣ или позадоритѣ, подстрекаемая нѣсколькими эгидами и богатырями (т. е. удалцами) оставалась еще въ оружіи въ деревнѣ Гумри. Изъ нихъ однакожь нашлось съ десятокъ охотниковъ выдать себя за старшинъ и въ надеждѣ новаго кафтана заключить переговоры съ Русскими. . . . .

(*) Продолговатую долину заключенную между рѣками Ашала, Аксаемъ и Казіуртомъ (иначе Кой-су) называющъ Русскіе Койсубулинскою и народъ живущій на ней Койсубулинцами. Ихъ прежде сѣдѣвали съ Аварцами и съ Чеченцами. Имѣя съ ними сношенія только по мечу—до сихъ поръ еще ни одинъ путешественникъ ни Географъ не упоминалъ о нихъ ни слова.

Начальникъ отряда былъ чрезвычайно доволенъ что заключилъ вѣчный миръ съ Койсубулинцами; Койсубулинцы отправились домой въ твердой рѣшимости разорвать его при первомъ удобномъ случаѣ. Послѣ параднаго завѣрика поспѣлась летучка о счастливомъ событіи . . . По несчастію она не дошла до своего назначенія. Казакъ ее везшій былъ убитъ новыми союзниками.

Въ ту же ночь нѣкоторые изъ спутниковъ посланцевъ, зашедшихъ вблизи лагеря, застрѣлили въ цѣпи часового и ранили двухъ другихъ. Разумѣется ужасная тревога: бой барабановъ . . солдаты въ строй, удвоеніе цѣпи, патрули и разъѣзды за цѣпью, и ни слѣда разбойниковъ. На другой день мнѣ досталось въ разъѣздъ. Спокойно минулъ вечеръ; спокойно смѣнилась первая смѣна за полночь, но передъ утромъ выстрѣлъ на гаубтвахтѣ—и опять тревога, опять барабанные перекашты, филили въ рукахъ и курби на взводѣ . . . есъ кричатъ: „непріятели, хищники, черти.“ . . никто не знаетъ гдѣ они. Вышло что новобранецъ стоялъ на часахъ у фронша, подлѣ котораго сложены были шелячи ранцы караульныхъ. Какой-то страстнующій волкъ и должно думать не послѣдній лакомка, привлеченный запахомъ, пробрался сквозь цѣпь, чинюбы отвѣдать шелятины. Часовой послышавъ шелестъ оклекулъ дважды, но волкъ, вѣроятно не понимая по-Руски, не отфѣялъ даже и на форменную угрозу: „говори или убью!“ и только щелкая зубами дерзко подавался впередъ.—Запуганный рекрутъ, боясь чтобы онъ не проглатилъ его вмѣстѣ съ ружьемъ, крикнулъ: „Волкъ стой, караульные вон!“ и спустил курокъ съ этимъ словомъ.—Обязанный однакожь удостовѣриться нѣтъ ли вблизи застрѣшаго непріятеля, я вспрыгнулъ на коня и

въ конвоемъ изъ двухъ казаковъ и четверыхъ Дагестанскихъ пашаръ поскакали за дѣль. Я прохалъ далеко къ западу, слъзалъ, прислушивался, приглядывался—ни звука, ни шѣни человѣческой . . . подемъ далѣе въ гору.— Вправдѣ, въдалекѣ, у меня шумѣлъ по камнямъ Аграханъ въ ужасномъ оврагѣ, передо мной вздымался хребетъ, на западномъ обрывѣ котораго лежатъ уже вражескія деревни . . . Я хотѣлъ по оплоному склону добраться до гребня, чтобы осмотрѣть его.— Я держалъ пущь по далѣе отъ кое гдѣ разсыпанныхъ кустарниковъ, но оглядывалъ ихъ кругомъ. И вотъ выѣхали мы на чистое мѣсто, на которомъ не могли залезть горцы . . . и вдругъ какъ будто земля родила ихъ . . . мы въ одинъ мигъ были окружены толпою. Пафъ, пафъ . . . полосы на голо . . . бьешь кого попало.— Бездѣль (проводникъ) мой пашаринъ кинулся впередъ и былъ пронзавъ нѣсколькими пулями . . . первый казакъ тоже; другой былъ сорванъ съ коня, едва успѣвъ высунуть изъ пистолета. Трое пашаръ великіе надѣвники противъ кабановъ, отъ того что кабаны не выучились еще владѣть винтовкою, ударились скакать на берегонку, будто надѣясь выиграть призовой кубокъ. Оспался я одинъ съ саблей въ рукѣ . . . я не успѣлъ махнуть ею два раза, какъ раненый конь мой грянулся объ землю и сплющилъ меня чутъ не въ пуговицу. Когда я очнулся, на мнѣ уже не было половины одежды: горцы перекидывали меня изъ рукъ въ руки и разоблачали на лешу. Связавъ меня, перекинувъ черезъ хребты двухъ коней рядомъ и скакать вѣтво, между шѣмъ какъ другіе понеслись вправо, было дѣломъ одной минушы . . . Въ Эрпильяхъ пѣли передразвѣтные пѣснухи . . . мнѣ казалось что это моя опходная.

Кавказскихъ Горцевъ напрасно обвиняютъ въ жестокости. Очень рѣдко были примѣры,

чтобы они перзали попавшихся имъ Русскихъ даже въ пылу гнѣва или мести, на самомъ полѣ сраженія. Мы знаемъ, мы видѣли какія жестокости претерпѣвали наши въ пѣтну у Турокъ, у Персіанъ, у Лазовъ. Счастливыми могли назваться тѣ, которымъ опрубили голову сначала— а то несчастнаго рубили по частямъ, сдирали кожу, палили медленнымъ огнемъ, и самая смерть не спасала труновъ отъ поруганія. Напротивъ Черкесъ, Лезгинъ, Осетинцевъ стараются привести пѣтнаго, конечно не по челоуколюбію, а изъ выгоды: онъ смонринъ на него какъ на товаръ . . . но и этотъ шагъ стъ звѣрства къ расчелпавости доказываетъ нѣкоторое образование. Правда, стараясь убѣжать, онъ волочитъ васъ въ горы, на арканъ, какъ плуху на дрова и скортій оставивъ васъ задохнувшись въ пѣтѣ чѣмъ обрѣжетъ веревку; но если судьба допустила васъ совершить это нелюбое путешесіе гдѣ волокомъ, гдѣ прыжкомъ, по скаламъ и черезъ рѣки, живъ,— дома онъ заболливо приложитъ ваши язвы, попотчуетъ бузой, раздѣлитъ по поламъ черныи чурекъ свой.— Правда и то, что если онъ узнаетъ въ васъ офицера, онъ набрякаетъ на ноги двухъ пудовыя кандалы вмѣсто шпоръ и можетъ быть посадитъ въ яму для удобнѣйшаго наблюдения звѣздъ среди бѣлаго дня; но самъ же доставитъ перо и бумаги, надѣясь что вы подъ вліаніемъ голода и другихъ окружающихъ васъ предметовъ напишете прежалобное посланіе къ друзьямъ, къ роднымъ или къ начальникамъ—и въ этомъ дѣлѣ его—большой за васъ выкупъ. Говорите послѣ этого, что они не имѣютъ понятія о Политической Экономіи!—Европейцы, большіе искусники прибираютъ красныя имена для черныхъ дѣлъ, назвали выкупъ или окупъ—контрибуціею, и то, что въ частносписи почитаютъ варварствомъ, исполняютъ, гуртомъ безъ разрѣнія совѣсти. Осаждаютъ

городъ— мирные граждане принуждены ѣсть конину; городъ сдается и побѣдитель налагаетъ контрибуцію зато что они противились. Приходишь союзникъ, выгоняешь побѣдителя и опять налагаешь контрибуцію на гражданъ, за чѣмъ они не питались крысами и не прощипались дольше. Помоги жгутъ иллюминацію, употребляя на поѣху глазъ масло, которымъ бы можно накормить тысячи голодныхъ желудковъ. Да здравствуетъ просвѣщеніе! . . . Но обратимся къ непросвѣщеннымъ.

Я очень хорошо зналъ, что передъ Горцами опасно хвалиться грамошою Цейра III о вольноспяхъ дворянства, или величаться офицерскимъ званіемъ—и къ счастью пѣшечный и ограбленный въ поѣздахъ, я могъ легко отвѣчать на всѣ ихъ вопросы кто я?—Солдатъ! Когда взошло солнце, вашъ покорный слуга маршировалъ въ горы въ праотеческомъ нарядѣ до грѣхопаденія, радуясь (можетъ быть въ первой разѣ) что природа, создавшая всѣхъ безъ шемляковъ и эполеновъ, не могла обличить меня въ неправдѣ. Мы спустились цѣликомъ въ Койсубулинскую долину.— Она дымилась какъ адъ шуманами, между тѣмъ, какъ снѣговія горы дымали уже огнемъ ушра. Мы вмѣстѣ съ лучами солнечными пробивались сквозь пары.— Проводники мои сошли съ коней, потому что ѣхать по этой стремнинѣ не было возможности: камни капали изъ подъ насъ и на насъ и нерѣдко мы сами сокращали свой ходъ невольными кувыркианіями, справляя лѣшнюю масляницу. Съ каждымъ шагомъ разлетѣнные шуманы открывали виды одинъ другаго прелестнѣе, одинъ другаго величественнѣе. Шинаровыя и дубовыя рощи, опушающія шамъ и сямъ ушесы, черныя тѣни въ ущельяхъ, разкинутое на неприступной высотѣ селеніе Гумри, зеленъя долины, по которой иногда мѣлкая извивъ рѣчки и наконецъ рѣдѣющіе пары, которые види-

мые сверху, казалось влекли за собою тѣни—все это было очаровательно, но конечно не для меня. Я только видѣлъ кругомъ себя цѣль горъ, истинную цѣль, различающую меня со свѣтомъ, съ родиной, съ свободою . . . У невольника тѣши очей на красотѣ природы. Спустившись въ тѣснину, мы опять начали подниматься къ Гумри, стояща на граничномъ соствѣ, надъ которымъ склонился исполинской ушесъ Эрплинскаго хребта . . . Природа кажется создала его для доказательствъ неприступности сверху и снизу. Огъ гребня невозможно бросать туда ни гранатъ, ни бомбъ; снизу не возможно подыматься иначе какъ по одинакѣ, и одинъ ринутый на тропинку камень можетъ увлечь десятки безспрашныхъ. Проводники мои съ гордостію оглядывались на меня; я самъ себя думалъ:— „есль оружіе ужаснѣйшее мортиръ и пушекъ—это голодъ, и рано ли, поздно ли Русскіе заступятъ къ вамъ этого змѣя Горынича.“— Мы вскарабкались. Извилистые переулки и крутыя околицы Гумровъ были осыпаны толпами вооруженныхъ Горцевъ. Иные варили въ котлахъ обѣды, другіе на желѣзныхъ шомполахъ своихъ жарили кебабъ; тѣ сидѣли, тѣ стояли кружками, тѣ бродили около коней; многіе спали; всѣ были въ буркахъ, въ войлакахъ разныхъ цвѣтовъ, съ длинными винтовками за плечами, съ кинжалами и пистолетами на поясахъ. Мы были встрѣчены множествомъ любопытныхъ съ кликами и разпросами. Грозно смотрѣли на меня горцы изъ подъ шапокъ наиболѣе бѣлыхъ. Загорѣвшій, но выразительныя лица ихъ сверкали дикою радостію.— Черкесская одежда ихъ не отличалась ни тонкостью, ни опрятностью, зато каждый оборванецъ, сложивъ руки на крестъ или взявшись за рукоятъ кинжала или опершись о ружье, стоялъ такъ же гордо какъ Наполеонъ на скалѣ Св. Елены, и оспрокопечныя порши-

ихъ искусно перевитыя краснымъ шуркомъ будто изъ видостя касались кремнямъ гордаго Кавказа. Привели толмача, Русскаго; человека лѣтъ въ 50 съ сѣдиной въ подстриженной борода . . . онъ обнялъ меня боязливо . . . ободрилъ словомъ . . . и самъ съ какимъ то умилениемъ слушалъ мои привѣтны. Рослый, стройный Аварецъ, въ колѣ гѣ, со спальными поручами, въ шапкѣ съ красными лѣпестками сукна вмѣсто перьевъ и въ белой буркѣ съ красною же полосой вокругъ, которая рисовалась на немъ какъ Римская *Laticlavus*, казался однимъ изъ предводителей, хотя уваженіе къ нему не означалось въ толпѣ никакими знаками вниманія. Онъ велѣлъ спросить меня сколько въ Эрпильяхъ Русскихъ, и чію они хотѣли дѣлать? Мнѣ переданъ былъ этакъ вопросъ толмачемъ дрожащимъ голосомъ. Я отвѣчалъ, что я солдатъ и потому не знаю точно числа войскъ, а думаю есть тысячь десять, только это передовой отрядъ; намѣреній же своихъ Начальниковъ у насъ не разказываютъ подчиненнымъ, а потому нечего меня и спрашивать. —, Однако, что говорятъ между собою солдаты? — Спросилъ воевода. Я опять отвѣчалъ, чію общій слухъ о нашемъ сборѣ—было отраженіе набѣга, а не впаденія въ нихъ жилища.;; Русскіе всегда готовы плашныя тройныя добромъ за дружбу, примолвилъ я, и въпросе мстятъ за обиды! — Воевода насмѣшливо улыбулся, и улыбка его была знакомъ ко всеобщему смѣху. —, Съ тѣхъ поръ какъ солнце свѣтитъ и желѣзо на солнце блеститъ, выразилъ онъ, никто не указывалъ Койсубулицамъ куда не ѣздить и чего не дѣлать! Одни Русскіе задумали удержатъ рѣшетомъ Койсубулицамъ—пускай же берегутъ рѣшето и руки. Мы знаемъ, что они хотѣли придти къ намъ, забрать нашихъ красавиць въ гаремы а сыновей въ барабанищки. милости просимъ! Хотѣ

бы у каждаго изъ васъ было столько же головъ, сколько пуговиць на кафтанѣ, и тогда не надо бы шестъ вынести назадъ пару лѣльцовъ, дабы сказать своимъ о горскомъ угощеніи. У насъ мало мѣста подъ засѣвъ хлѣба, но всегда довольно его чіюбъ засѣять Русскими головами! —

Грохотъ и крикъ и выспрѣлы на воздухъ заключали слова его. Чію мнѣ было отвѣчать на эту горекую гасконаду?—Я смиренцо взглянулъ на свой райской мундиръ, вздохнулъ и повѣсилъ буйную голову. Толмачъ съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на меня, и между тѣмъ какъ Хозяинъ мой хвасталъ своимъ удалствомъ, я спросилъ его давно ли онъ въ горахъ? —, Десять лѣтъ. —, Сказалъ Русскій. Я вздрогнулъ . . ., можетъ бытъ и меня ждетъ подобная участь. — И ты живучи такъ близко къ границѣ не нашелъ случая избавишься пѣвца? — Былъ вопросъ мой.

„Я и не искалъ его . . . я бѣглый солдатъ.“

„За худое ремесло принялся ты пріятель.“

Въгонецъ закрылъ лице руками . . . но слезы капали между пальцевъ. Наконецъ онъ поднялъ голову. —, Слезами не купишь прошлаго, возразилъ онъ. Тяжко на чужбинѣ, а въ родину запала мнѣ дорога. Пятнадцать лѣтъ служилъ я вѣрой и правдой Богу да Государю, проливалъ кровь и въ Шведчинѣ и въ Турціи . . . да видно мой грѣхъ до меня дошелъ. . . . Я нашелъ и здѣсь добрыхъ людей, выучился чужему языку, женился и дѣтей—а все другой родинѣ не напишешь и прежней не позабышь: душа рвется на Украйну!! Не побоялся бы я пройши сквозь строй, еслибъ могъ послѣ того подожить свои кости на родномъ кладбищѣ; да не бывать этому и мнѣ ужъ за одно мыкать горь на чужой сторонѣ . . .“ Онъ еще не кончилъ когда хозяинъ мой пошелъ впередъ и толпа разлучила насъ.

Я сѣлъ на камнѣ у саган, въ кошорую во-

шелъ въ гости мой повелитель. Въ одинъ мигъ)
 составился около меня кружокъ и сотни рукъ)
 съ указательными перстами устремились ко мнѣ)
 какъ радусы къ центру; впрочемъ грѣхъ ска-)
 зать, чтобы меня обижали . . . не видя никог-)
 да у себя Русскихъ врагами, они не имѣли по-)
 воду къ отнесенью. Правду сказать общипан-)
 ные мальчишки щупали меня за носъ какъ буд-)
 то пробуд не отвинчивается ли онъ; но)
 это было не для насмѣшки надо мною, но для)
 доказательства храбрости передъ другими, ко-)
 торые боязливо выглядывали изъ-за тумановъ)
 (женскихъ панталонъ) своихъ матерей. Жен-)
 щины смотрѣли на меня съ сожалѣньемъ, но ихъ)
 кажется не слишкомъ поражала нагота моя . .)
 За то самъ я, какъ учтивой кавалеръ, весьма)
 досадовалъ, что не могъ у дамъ попросить из-)
 виненія представляясь имъ безъ галстука. Меж-)
 ду тѣмъ бѣ лець принащили мнѣ старой беш-)
 метъ, въ которомъ будно въ Русской словес-)
 ности не видна уже была первоначальная ткань)
 подъ разноцвѣтными заплатами, и заплаты эти)
 не закрывали, но только соединяли прорѣхи—)
 такъ что и подъ нимъ рудимыя пятнушки на)
 моемъ шлѣ никому не могли быть тайною.)
 Опорвавъ остатки рукавовъ я обратилъ ихъ)
 въ сандалинъ: очень справедливо разсчитывая, что)
 ноги мнѣ сегодня нужнѣе рукъ. Со вѣсѣхъ сто-)
 ронъ нащипали мнѣ кислаго молока, говядины,)
 чурекъ и я покушалъ пренеправно для неволь-)
 ника горюна. Скоро вышелъ изъ сакли мой хо-)
 зяинъ, всрянулъ въ сѣдло, пронулъ меня за)
 самую чувствительную струну т. е. за верев-)
 бу, которую накинулъ на локти; махнулъ плечью)
 между конемъ и мною вмѣсто увѣщанія обоимъ,)
 крикнулъ: „Гайда!“ и вошь мы опять въ дорогъ.)
 Измученъ, утомленъ, чрезъ горы и доли, къ)
 вечеру прибылъ я, т. е. былъ приведенъ я, въ)
 деревню, резиденцію Койсубулинда, кошорому)
 достался. Виновать—забылъ ея имя, но она)
 ёршь сперва не лѣзло ко мнѣ въ домъ, а)
 не лѣзеть изъ нее,—потеря невеликая. Языкъ)
 Койсубулиндцевъ даже и въ пѣнии такъ благо-)
 звученъ какъ Пагайская арба . . . вы бы подумали,)
 что у нихъ воронъ былъ капельмейстеромъ—а въ)
 разговорѣ еще несноснѣе . . . онъ просто цара-)
 паетъ ухо. Печально приближеніе ко всякому)
 Азіатскому селенію . . . ишь колокольни, кошо-)
 рая бы издали приветствовала васъ—ишь ог-)
 ня, который бы обѣщаль ужинъ. Плоскія кров-)
 ли овершныя о скалу—безобразно наложенныя)
 стѣны безъ оконъ, вовсе не отличаются отъ)
 горы, въ коей до половины врыны. Только вой)
 собакъ, отвѣчающихъ волю чакалокъ, даешь)
 примѣну усналому путнику.—Всѣ уже свали)
 когда мы вошли въ деревню стоящую на кру-)
 тизнѣ. Одиѣ собаки встрѣтили насъ сперва)
 лаемъ, потомъ обнюхиваньемъ, потомъ, узнавши)
 своего, радостными прыжками.—Наконецъ до-)
 брались мы до сакли хозяина . . . онъ толкнулъ)
 въ дверь, три доски которой давно между со-)
 бою поссорились . . . дверь скрипнула на дере-)
 вянной пятѣ и мы свернувшись въ бараній рогъ)
 вошли въ дымную комнату . . . У лѣвой стѣны)
 курился очагъ и подлѣ угольевъ на наше щас-)
 ліе стоялъ кошель, изъ котораго пригѣтно вы-)
 ныривали бараньи ножки. На право, на дрян-)
 номъ коврѣ, спала жена хозяина; онъ очень нѣж-)
 но разбудилъ её толчкомъ въ бокъ . . . и скоро)
 вся семейственная картина Августа Лафонтена)
 была въ рамахъ. Хозяйка съ распущенными во-)
 лосами и нагіе ребятишки съ криками: „отецъ)
 пріѣхалъ, отецъ пріѣхалъ!“ въ звѣвущихъ)
 ртахъ сколько я могъ понять ови просили)
 у него гостинцевъ: онъ далъ имъ по щел-)
 чку и указалъ на меня. Маленькіе пострѣляша,)
 разсудивъ видно что меня нельзя съѣсть какъ)
 пряникъ, улеглись опять . . . Я сквозь сонъ видѣлъ